

ФРЕДРИК БАКМАН

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРА
«ВТОРАЯ ЖИЗНЬ УВЕ»

ТРИ НОВЕЛЛЫ

Фредрик Бакман

Три новеллы

Издательство «Синдбад»

2016-2018

Бакман Ф.

Три новеллы / Ф. Бакман — Издательство «Синдбад», 2016-2018

ISBN 978-5-00131-111-9

Новеллы Фредрика Бакмана проникнуты тем же мягким юмором и теплотой, что и его «полнометражные» романы-бестселлеры, изданные сегодня уже в сорока трех странах. Это современные притчи на вечные темы или – если хотите – своего рода сказки для взрослых. Бакман верен себе – он снова говорит простыми словами о самом важном: о смысле жизни, о смерти, о безжалостном времени и человеческой памяти. «Сделка всей жизни» – это рассказ о том, чем ты готов пожертвовать ради спасения чужой жизни. Когда на кону не только твое будущее, но и твое прошлое. Не только места, куда ты стремишься, но и уже оставленные тобой следы. Ради кого ты готов от всего этого отказаться? В новелле «И с каждым утром дорога домой становится все длиннее» Бакман пишет о том, каково это – утратить память прежде жизни, а нам, оставшимся, предстоит непонятно как жить в разлуке с ними, когда они все еще здесь и уже не здесь. «Себастиан и тролль» – пронзительная новелла Бакмана, сказка для взрослых, маленькая история сбивающей с ног эмоциональной силы. Это рассказ про детскую хрупкость и уязвимость, поломанный смех, душные стеклянные шары и детские страхи.

ISBN 978-5-00131-111-9

© Бакман Ф., 2016-2018

© Издательство «Синдбад», 2016-2018

Содержание

Сделка всей жизни	6
Несколько слов перед всеми остальными словами	6
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Фредрик Бакман

Три новеллы

Fredrik Backman
DITT LIVS AFFÄROCH
VARJE MORGON BLIR VÄGEN HEM LÄNGRE OCH LÄNGRE
SEBASTIAN OCH TROLLET

Copyright © Fredrik Backman 2017
Copyright © Fredrik Backman 2016
Copyright © Fredrik Backman 2018

Иллюстрации: Ольга Ионайтис

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление. Издательство «Синдбад», 2019.

info@sindbadbooks.ru
www.sindbadbooks.ru
www.facebook.com/sindbad.publishers
www.instagram.com/sindbad_publishers

* * *

Сделка всей жизни

Несколько слов перед всеми остальными словами

Этот рассказ о том, чем ты готов пожертвовать ради спасения жизни. Когда на кону не только твое будущее, но и твое прошлое. Не только места, куда ты стремишься, но и уже оставленные тобой следы. Ради кого ты готов от всего этого отказаться?

Я писал эту историю поздним вечером незадолго от Рождества 2016 года. Рядом – руку протяни – спали жена и дети. Я чувствовал страшную усталость. Весь этот год, который был странным и тянулся очень долго, меня не оставляли мысли о выборе, который вынуждены делать люди. О том, что всегда и всюду нам приходится выбирать. То или другое. Пойти поиграть или остаться дома. Мы влюбляемся и засыпаем в объятиях друг друга, но однажды вдруг понимаем: кто-то должен встряхнуть нас как следует, чтобы мы осознали, ЧТО ТАКОЕ ВРЕМЯ.

И я попробовал рассказать об этом историю. Ее напечатали в местной газете моего родного Хельсингборга, города на самом юге Швеции. Места, где происходят события, вполне реальны: за углом той больницы находилась моя школа, а бар, где выпивают герои, принадлежит друзьям моего детства. Несколько раз я и сам там набирался как следует. И вам, если вдруг окажетесь в Хельсингборге, настоятельно рекомендую.

Теперь мы с семьей живем на шестьсот километров севернее – в Стокгольме. И сегодня, задним числом, я сознаю, что тогда, сидя на полу возле кровати, на которой спали жена и малыши, пытался разобраться не только с любовью и смертью, но и с городом, где вырос. Наверное, это понимание сидит в каждом из нас, глубоко-глубоко: от своего города не уйти никуда. Но и назад не вернуться. Потому что он больше не твой. С ним уже не поладить – ни с его улицами, ни с мостовыми. Разве что с тем человеком, которым ты был когда-то. И возможно, простить себя за все, чем ты собирался стать, – но так и не стал.

Наверное, мой рассказ покажется вам странным. Зато он недлинный и скоро кончится. Но хочется верить, что тот, прежний мой «я», прочитает его и согласится, что вышло... ну... не так уж и паршиво. Думаю, мы с ним могли бы сходить попить пива. Потолковать о выборе. Я показал бы ему фото жены и детей, а он сказал бы: «Нормально. Ты все сделал нормально».

Как бы то ни было, эта история – вот она. Спасибо, что не пожалели на нее времени.

*С любовью,
Фредрик Бакман*

Привет. Я твой папа. Ты скоро проснешься, сегодня в Хельсингборге пред Рождественское утро... и я убил человека. Знаю, сказки обычно не так начинаются. Но я отнял жизнь. А у кого – какая разница?

Возможно, никакой. Большинству из нас так хотелось бы верить, что по каждому сердцу, переставшему биться, тоскуют одинаково. Если нас спросят, все ли жизни одинаково бесценны, большинство убежденно ответит: «Да!». Но это пока нам не укажут на кого-то, кого мы любим, и не спросят: «И эта тоже?»

А какая тогда разница? Был ли убитый мной человек хорошим. Любимым. Бесценным.

Ребенком.

Ей было пять лет. Я увидел ее впервые неделю назад. В больничном телехолле стоял красный стул, и он был ее. До нее он красным не был, об этом позаботилась она. На все про все ушло двадцать две коробки восковых мелков. Ничего страшного, она могла себе это позволить: ей все отдавали свои мелки. Как будто она могла ими выкрасить из себя болезнь, превратить таблетки и шприцы в цвет. Она понимала, конечно, что ничего не получится, она была сообразительным ребенком, но притворялась ради них. Так что днем она рисовала на бумаге, потому что это радовало взрослых. А по ночам раскрашивала стул. Потому что стулу очень хотелось стать красным.

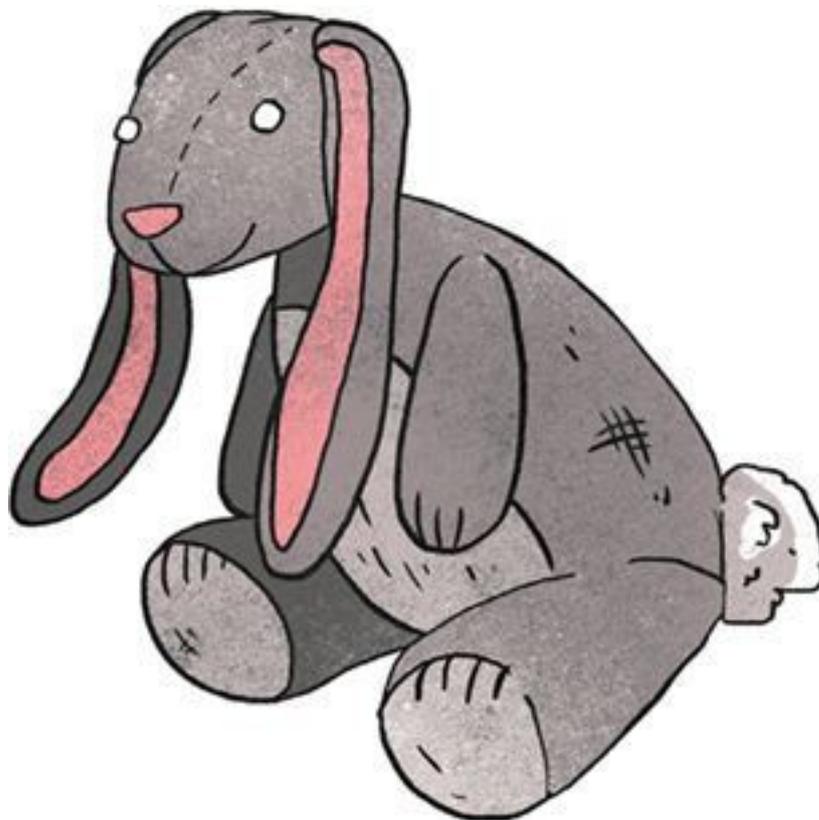
У нее была плюшевая игрушка, кролик. Она звала его Роликом. Когда она только начала говорить, взрослые думали, что он Ролик потому, что у нее не получается произнести «кролик». Но она называла его Роликом потому, что его так звали – Ролик. Не так трудно сообразить, между прочим, даже если ты взрослый. Иногда Ролику становилось страшно, и тогда ему разрешали посидеть на красном стуле. Медицински вроде бы до сих пор не доказано что, если сидишь на красном стуле, становится не так страшно, но Ролик этого не знал.

Девочка усаживалась рядом на пол, гладила его по лапе и рассказывала сказки. И однажды ночью, притаившись за углом в коридоре, я услышал, как она сказала: «Я скоро умру,

Ролик. Все люди умирают, просто некоторые через сто тыщ лет, а я, может, завтра утром». И добавила шепотом:

– Я надеюсь, что все-таки нет.

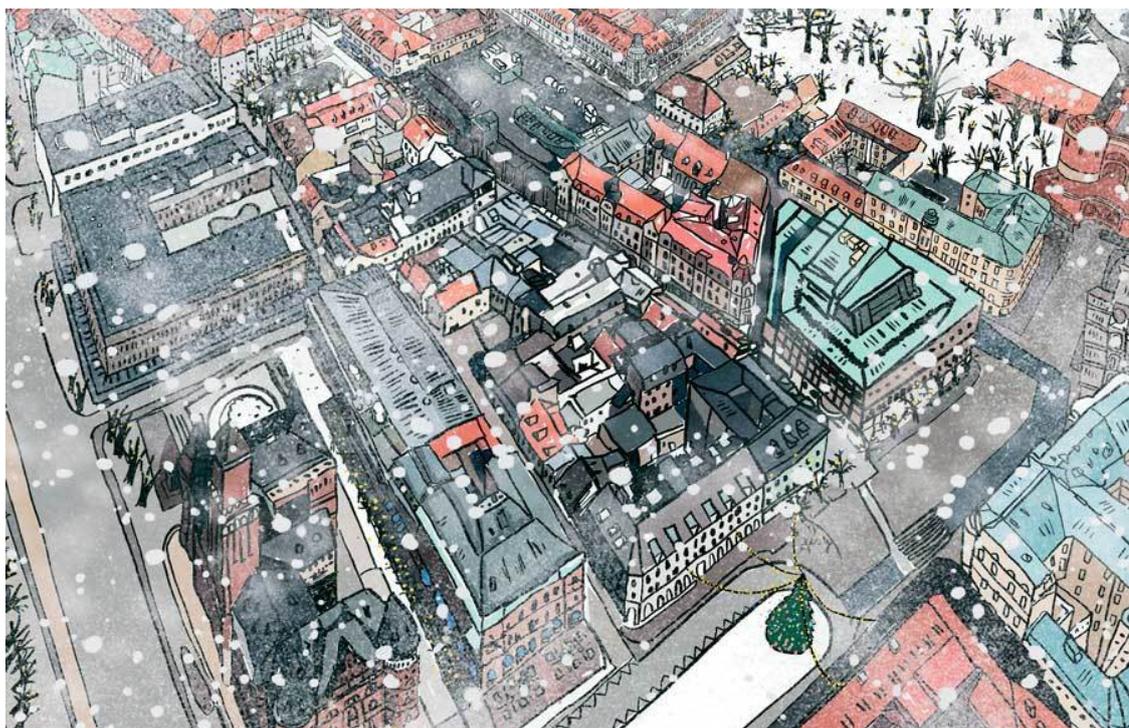
Вдруг она испуганно подняла голову, озираясь, словно услышала в коридоре чьи-то шаги. Потом проворно схватила Ролика и пожелала красному стулу спокойной ночи.

– Это она! Она идет! – выдохнула девочка свистящим шепотом и бросилась в свою палату. Юркнула к маме в кровать и спряталась под одеялом.

Я тоже бросился бежать. Потому что каждую ночь по больничным коридорам проходит женщина в толстом сером вязаном свитере. У нее с собой папка. А в ней записаны имена нас всех.

Сегодня канун Рождества и, когда ты проснешься, снег наверняка уже растает. В Хельсингборге снег никогда долго не залеживается. Это единственное известное мне место, где ветер дует снизу вверх. Так что зонт больше помогает, если его держать вверх ногами. Я здесь родился, но так и не смог привыкнуть, мы с Хельсингборгом так и неладили. Видимо, это чувство к своему родному городу питает каждый: место, откуда мы родом, никогда не попросит у нас прощения и не признает своей неправоты. Оно просто поджидает в конце трассы Е4 и шепчет: «Возможно, ты стал богатым и влиятельным. Возможно, едешь домой с дорогими часами и в хорошем костюме. Но меня обмануть не рассчитывай, я-то знаю, кто ты на самом деле. Маленький напуганный мальчик».

Со смертью я повстречался нынче ночью, среди обломков моей машины после аварии. Моя кровь была повсюду. Женщина в сером свитере стояла рядом и смотрела на меня с неудовольствием: «Тебя тут быть не должно». Я ее ужасно испугался, потому что я – победитель, я уцелевший. А все уцелевшие очень боятся смерти. Потому-то мы и уцелели.

Мое лицо было изрезано, плечо вывихнуто, я сидел, зажатый среди железа и приборов стоимостью в полмиллиона крон. Увидев женщину, я крикнул:

– Забери кого-нибудь другого! У меня есть для тебя кандидатура!

Но она лишь наклонилась ко мне с огорченным видом и сказала:

– Все устроено по-другому. Я ничего не решаю. Я отвечаю только за логистику и доставку.

– Куда? – вскрипнул я. – К Богу или к Дьяволу... или к кому-то еще?

Она вздохнула:

– В политику я не лезу. Я своим делом занимаюсь. Отдай папку.

В больницу я попал не из-за той аварии, я оказался там задолго до нее. Рак. Шесть дней тому назад я впервые повстречал ту девочку, когда курил на пожарной лестнице, чтобы не застукали медсестры. Они так ругались, словно именно курение сведет меня в могилу.

Дверь в мой коридор была приоткрыта, и я слышал, как девочка и ее мама разговаривают в телехолле. Они играли в одну и ту же игру каждый вечер, – когда в больнице делалось настолько тихо, что было слышно, как снежинки касаются оконных стекол, целуя их на ночь, мама шептала девочке: «Кем ты станешь, когда вырастешь?» Девочка знала, что играют они ради мамы, но притворялась, что это ради нее. И смеялась в ответ – «врачом», «инженером» – и ее самым любимым персонажем, «космическим охотником».

Когда мама уснула в кресле, девочка уселась дальше раскрашивать стул, которому хотелось стать красным, и обратилась к Ролику, которого так и звали.

– А у смерти холодно? – спросила она Ролика.

Но Ролик не знал. Так что девочка положила в рюкзачок пару толстых варежек, на всякий случай.

Меня она увидела через стекло. И не испугалась, а я, помню, жутко обозлился за это на ее родителей. Хороши взрослые – так воспитать ребенка, чтобы тот не перепугался до полусмерти при виде сорокапятилетнего дядьки, который дымит на пожарной лестнице как паровоз и тарашится оттуда на тебя! Но эта девочка не боялась. Она махнула мне рукой. Я помахал в ответ. Взяв Ролика, она подошла к двери и спросила через щель:

– У тебя тоже рак?

– Да, – ответил я. Потому что это была правда.

– Ты знаменитый? Ты есть на картинке в маминой газете.

– Да, – ответил я. Потому что и это была правда. Газеты писали о моих деньгах, никто еще не знал, что я болен, но я из тех, чьи диагнозы попадают в ленту новостей. Я не простой человек, когда я умру, про это узнают все. Когда умирают пятилетние девочки, об этом нигде не пишут, в их память вечерние газеты не печатают специальных приложений. Эти ноги еще слишком малы, чтобы кому-то было дело до их следов. Вот до меня людям дело есть – из-

за того, что я оставляю после себя, что я построил и чего достиг, из-за моих предприятий, недвижимости и активов. Деньги для меня – не деньги, не то что для вас, я их не коплю, не считаю и не беспокоюсь о них. Они для меня просто баллы, мерило успеха.

– У меня не такой рак, как у тебя, – сказал я девочке. Поскольку это было единственным в моем диагнозе, что звучало утешительно. Врач сочувственно объяснил: «У вас крайне, крайне необычная форма рака». Так что и рак у меня не такой, как у других.

Девочка отчаянно заморгала и спросила:

– А у смерти холодно?

– Не знаю, – ответил я.

Надо было ответить как-то иначе. Как-то значительнее. Но я не тот человек. Так что я выбросил сигарету и буркнул: «Нельзя рисовать на мебели». Я знаю, что вы про меня подумали. Надо же, какой говнюк. Вы правы. Но успешные люди, как правило, говнюками не становятся – мы были ими с самого начала. Потому и преуспели.

– Если у тебя рак, то можно, – вдруг заявила девочка и пожала плечами. – Никто ничего не скажет.

Не знаю уж, что в этом было такого смешного. Но я рассмеялся. Когда я это делал в последний раз? Она тоже засмеялась. А потом они с Роликом убежали к себе в палату.

Убить просто – кому-нибудь вроде меня для этого нужна только машина и несколько секунд. Потому что люди вроде тебя мне доверяют. Вы управляете тысячей килограммов металла, ведете их сквозь сотни километров, а на заднем сиденье у вас дремлют ваши любимые, а когда кто-нибудь вроде меня появляется на встрече, вы доверяете моим тормозам. Верите, что я не стану искать телефон, провалившийся между сидений, не превышу скорость, не буду вилять между рядами из-за того, что смаргиваю слезы. Что я не встану на съезде на трассу 111 с выключенными фарами в ожидании грузовика. Что я не пьян. Что я вас не убью.

Сегодня утром женщина в сером свитере вытащила меня из покореженной машины. Стерла со своей папки мою кровь.

– Убей кого-нибудь... другого, – попросил я. Она утомленно засопела носом.

– Все устроено не так. У меня нет таких полномочий. Я не могу поменять смерть на смерть. Только жизнь на жизнь.

– Ну давай так! – воскликнул я.

Женщина грустно покачала головой, потянулась и вытащила сигарету из моего нагрудного кармана. Погнутую, но целую. И закурила, затягиваясь по два раза.

– Вообще-то я бросила, – оправдываясь, сказала она.

Лежа на земле в крови, я показал на папку.

– Там есть мое имя?

– Там все имена есть.

– А в каком смысле «жизнь на жизнь»?

Она застонала.

– Ты все-таки придурок. И всегда таким был.

Когда-то ты был моим. Моим сыном.

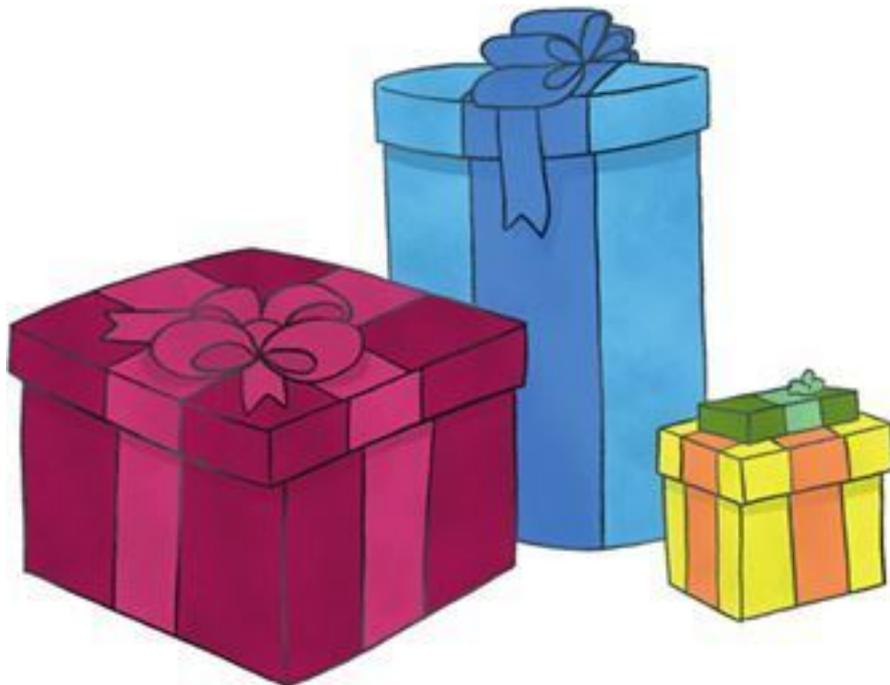
Девочка в больнице напоминала тебя. Когда ты только родился, случилось нечто. Ты заплакал так громко, что со мной впервые произошло странное: мне в первый раз стало больно за кого-то еще. И я не смог оставаться рядом с человеком, обладающим надо мной подобной властью.

Все родители время от времени позволяют себе минут пять посидеть в машине перед домом – просто посидеть. Подышать поглубже и собраться с силами, прежде чем снова взять

на себя всю полноту ответственности. Принять удушающие требования быть хорошим и все выдерживать. Всем родителям знакомы эти десять секунд в подъезде, с ключом в руке, перед тем, как вставить его в замок. Я был честен, я выждал одно мгновение, а потом сбежал. Я уезжал все твое детство. Тебе было как теперь этой девочке, когда ты спросил, чем я занимаюсь на работе. Я сказал, что зарабатываю деньги. Ты сказал, их все зарабатывают. А я ответил:

– Нет, большинство просто выживает, они думают, будто их вещи имеют какую-то ценность, но ее не существует. У вещей есть только цена – основанная на ожиданиях. Вот ими-то я и занимаюсь. А единственная ценность на земле – это время. Секунда – всегда только секунда, и торговаться с ней бессмысленно.

Теперь ты презираешь меня за то, что все мои секунды я посвятил работе. Но я их посвятил по крайней мере хоть чему-то. А чему посвятили жизнь родители твоих друзей? Барбекю и гольфу? Чартерным рейсам и телесериалам? Что они оставят после себя?

Теперь ты ненавидишь меня, но когда-то ты был моим. Когда-то ты сидел у меня на колене и боялся звездного неба. Кто-то тебе сказал, что звезды на самом деле не над, а под нами, а Земля так быстро вертится, что будь мы чуть полегче, то свалились бы с нее прямо в окружающий мрак. Дверь веранды была открыта, твоя мама слушала Леонарда Коэна, и я сказал тебе, что на самом деле мы живем в глубокой уютной пещере, а небо – это камень, лежащий перед входом. «А что тогда такое звезды?» – спросил ты, и я ответил, что это щелки, сквозь которые просачивается свет. А потом я сказал, что твои глаза – это для меня то же самое. Такие маленькие-маленькие щелочки, из которых сочится свет. Ты тогда засмеялся, громко-громко. Интересно, с тех пор ты так еще смеялся? Я тоже засмеялся. У меня, мечтавшего жить высоко-высоко надо всеми, родился сын, который больше всего хочет жить глубоко под землей.

В гостиной твоя мама, увеличив громкость, смеялась и танцевала по ту сторону окна. Ты пополз повыше на мое колено. Мы были тогда семьей, хоть и мимолетно. Я принадлежал вам, пусть лишь на несколько мгновений.

Я знаю, тебе хотелось иметь обычного папу. Который никуда не уезжает, не знаменит, такого, которому хватает взгляда пары глаз: твоих. Ты никогда не хотел, представившись, услышать в ответ: «Прости, это не твой папа? Ну тот, который...» Но я был для этого слишком важной персоной. Я не водил тебя в школу, не держал тебя за руку, не помогал тебе задувать свечки на торте и никогда не засыпал в твоей кроватке на полпути к нашей четвертой сказке

на ночь, с твоей щекой у меня на ключице. Зато ты получишь все то, за чем так гоняются другие. Богатство. Свободу. Я предал тебя, но предал, по крайней мере, на самом верху пирамиды Маслоу.

Но тебя это не волнует, правда? Ты – сын своей матери. Она была умнее меня, и я ей этого не простил. Но она чувствовала сильнее меня, в этом была ее слабость, и я мог сделать ей больно при помощи слов. Ты вряд ли помнишь, как она меня оставила, ты был слишком мал, но правда в том, что я этого толком и не заметил. Я вернулся из очередной поездки и только через два дня обнаружил, что вас нет.

Несколько лет спустя, когда тебе было лет одиннадцать-двенадцать, вы с ней из-за чего-то здорово поругались, и ты сел среди ночи в автобус, приехал ко мне и плакал, что хочешь жить со мной. Я сказал: «Нет». Ты был в истерике, рыдал, размазывая сопли по ковру у меня в прихожей и кричал, что это несправедливо.

Я посмотрел тебе в глаза.

– Жизнь вообще несправедлива.

Ты закусил губу. Опустил веки и сказал:

– Тебе хорошо.

Видимо, в тот день ты перестал быть моим, не знаю. Видимо, тогда я тебя потерял. В таком случае я ошибался. В таком случае жизнь справедлива.

Четыре ночи спустя девочка постучалась снова. – Хочешь поиграть? – спросила она.

– Что? – сказал я.

– Мне грустно. Хочешь поиграть?

Я сказал ей, чтобы она шла спать. Потому что я таков, каким ты меня считаешь, – тот, кто отвечает «нет», когда умирающий пятилетний ребенок просит с ним поиграть. Они с Роликом направились к своей палате, но девочка обернулась, посмотрела на меня и спросила:

– Ты тоже храбрый?

– Чего?

– Все говорят, что я храбрая.

Ее веки задрожали. И я ответил честно:

– Не надо быть храброй. Если тебе страшно, то бойся. Все уцелевшие только так и делают.

– А ты ее боишься? Тетку с папкой?

Я закурил и молча кивнул.

– И я, – сказала девочка.

Они с Роликом уже собрались к себе в палату. Я не понял, что произошло. Возможно, что-то внутри меня треснуло, так что туда пробился свет. Или оттуда. Я не злодей, даже я понимаю, что раку следовало бы соблюдать возрастные ограничения. И я открыл рот и сказал:

– Не сегодня. Я постою и посижу, чтобы сегодня она не пришла.

И тут девочка улыбнулась.

На другое утро я все еще сидел на полу коридора. И слышал, как мама с девочкой играют в новую игру. Мама спрашивала «Кого ты позовешь на следующий день рождения?», хотя никакого следующего не предвиделось. А девочка подыгрывала ей, перечисляя имена всех, кого любит. В пять лет это длинный список. В то утро в него попал и я.

Я эгоист, ты это быстро усвоил. Твоя мама как-то кричала на меня, что я просто уникум, для меня есть только те, кто выше меня и от кого мне что-то надо, и те, кто ниже меня и кого я топчу ногами. Она была права, и я продолжал в том же духе, пока выше меня не осталось никого.

Но где предел моему эгоизму? Ты знаешь, я куплю и продам что угодно, но переступить через труп? Смогу ли я убить?

У меня был брат. Я тебе про это не говорил. Он умер, когда мы родились. Может, место на земле полагалось только одному из нас, а я хотел попасть туда сильнее, чем он. Я переступил через брата еще в утробе матери. Я уже тогда был победителем.

Она и там была, в роддоме, эта женщина с папкой. Я видел фотографии, когда мать выпивала по ночам и засыпала, слишком пьяная, чтобы их спрятать. Женщина виднелась на каждом снимке, стояла не в фокусе у окна, шла смазанная по коридору. В один из дней перед родами она стояла с моими родителями в очереди на заправке. Мама была на сносях. Папа на этом снимке смеется. Я вообще не помню, чтобы он когда-то смеялся. Он только улыбался.

В пять лет я увидел женщину с папкой у железной дороги. Я уже собрался перейти через пути, когда она подскочила с другой стороны и что-то закричала. Я остановился как вкопанный. В следующую секунду появился поезд, он с ревом промчался мимо, так близко, что я кубарем отлетел в сторону. Когда поезд прошел, ее уже не было.

В пятнадцать, когда я играл с лучшим другом на скалах у Куллаберга, на полпути наверх мы встретили женщину в сером свитере. Она пробормотала: «Осторожнее, в дождь на скалах очень опасно». Я сообразил, кто это, только когда она уже исчезла. Дождь пошел уже через полчаса, и мой лучший друг сорвался со скалы. Когда его хоронили, дождь все еще шел и кончаться явно не собирался. Женщину я увидел, когда вышел из церкви Святой Марии, она стояла на площади под зонтом, но дождь все равно лупил по ее щекам, как это бывает только в Хельсингборге.

Когда папа заболел, я видел ее перед его дверью в хосписе, в последнюю ночь. Я вышел из туалета, она меня не заметила. Все в том же старом свитере, она что-то черкнула в папке черным карандашом. Потом зашла в его палату и больше не выходила. Утром папа умер.

Когда заболела мама, я работал за границей. Мы поговорили по телефону, она прошептала слабым-преслабым голосом: «Доктор сказал, что все нормально». Чтобы я не переживал, что она умирает слишком мучительно. Родители всегда хотели, чтобы все было как обычно, с тех пор как умер мой брат, им хотелось только одного – быть как все. Может, я потому и стал исключительным – из чистого противоречия. Ночью мамы не стало. Я попросил оценщика осмотреть квартиру и имущество, он прислал фотографии. На одной из них, сделанной в спальне, на полу виднелся черный карандаш. Когда я приехал домой, его уже не было. Мамины тапочки стояли в прихожей, к подошвам пристали катышки серой шерсти.

С тобой мне не повезло. Считается, это отцы должны учить сыновей уму-разуму, но ты меня разочаровал.

Прошлой осенью ты позвонил в день моего рождения, мне исполнилось сорок пять. А тебе только-только стукнуло двадцать. Ты сказал, что получил работу в старом клубе «Тиволи». Городские власти передвинули все здание на другую сторону площади Хамнторгет, чтобы освободить место для будущих кондоминиумов. «Кондоминиумов» ты выговорил с презрением, потому что мы такие разные. Там, где ты видишь историю, я – развитие, где ты ностальгию, я – слабость. Я мог бы дать тебе работу, я дал бы тебе сотню работ, но ты стал барменом «Винил-бара» – в развалюхе, которая начала рушиться еще четыре поколения тому назад, когда служила морским вокзалом. Я спросил тебя напрямик, доволен ли ты. Ты ответил: «Мне этого достаточно, папа. Достаточно». Потому что ты знал, как я ненавижу эту фразу. Ты всегда был из тех, кому всего достаточно. Ты даже не понимаешь, какое это благо.

Позвонить тебя, видимо, заставила мама, думаю, она подозревала, что я болен, но ты пригласил меня к себе в бар. Ты сказал, у вас там подают датские бутерброды, ты помнил, что я всегда брал их на пароме, когда мы с тобой ездили на Рождество в Данию. Твоя мама пилила меня, чтобы я устраивал тебе что-нибудь запоминающееся хотя бы раз в год, думаю, ты в курсе. А я не умел сидеть на месте и разговаривать. Мне нужно было куда-то двигаться, а в машине тебя укачивало. Так что паром устраивал нас обоих, мне нравилось уезжать на нем, а тебе – возвращаться. Я любил оставить все позади. А ты – стоять на палубе и смотреть, как из-за горизонта показывается Хельсингборг. Дорога домой, силуэт давнего знакомого. Ты его обожал.

Прошлой осенью я сидел в машине на Хамнторгет и смотрел на тебя в баре через окно. Ты разливал напитки и веселил публику. Я не решился войти, я боялся тебе сказать, что у меня рак. Твоего сострадания я бы не выдержал. И разумеется, я был пьян, так что вспомнил крыльцо твоей мамы, на котором ты столько раз сидел и ждал меня, когда я обещал прийти и не приходил. Я вспомнил, сколько раз я растрачивал твое время. Вспомнил датский паром на Рождество, всегда ранним утром, чтобы мы успели домой вовремя и у меня остался бы целый день, чтобы пить. Последний раз мы ездили, когда тебе было четырнадцать, я научил тебя играть в покер в одном подвальчике в Хельсингёре и показал, как определять лузеров: это слабые мужчины с крепкой выпивкой. Научил тебя, как можно поживиться за счет тех, кто не разбирается в игре. Ты выиграл шестьсот крон. Я хотел продолжить, но ты посмотрел на меня умоляюще и сказал: «Шестисот достаточно, папа».

По пути на паром ты зашел в ювелирный и купил на эти деньги серьги. У меня ушел год на то, чтобы понять: сережки ты купил не девчонке, которую собрался склеить. А маме. Больше ты в покер не играл.

Мне не повезло с тобой. Я хотел сделать тебя жестким. А ты вырос добрым.

Вчера поздно вечером женщина с папкой появилась в больничном коридоре. Заметив меня, она остановилась. Я убежать не стал. Я вспомнил все ситуации, при которых ее видел. Когда она забрала брата. Когда забрала моего лучшего друга. Моих родителей. И решил больше не бояться, по крайней мере это последнее, что в моей власти.

– Я знаю, кто ты, – произнес я недрогнувшим голосом. – Ты смерть.

Женщина нахмурила лоб, оскорбившись до глубины души.

– Я не смерть, – буркнула она. – Моя профессия ЭТО НЕ Я.

Я сдулся. Признаюсь честно. Это было совсем не то, чего ожидаешь услышать в подобной ситуации.

Брови женщины опустились, и она повторила:

– Я не смерть. Мое дело – доставка и отгрузка.

– Я... – начал я.

Но она перебила:

– Ты настолько занят собой, что воображаешь, будто я всю жизнь за тобой гонюсь. А я за тобой просто приглядывала. Вот же нашла себе любимчика из всех придурков... – Она потерла виски.

– Лю... бимчика? – переспросил я, заикаясь. Она потянулась вперед и коснулась моего плеча. Ледяные пальцы нырнули в мой нагрудный карман и достали сигарету. Она зажгла ее, вцепившись в папку. Дело было, видимо, просто в табачном дыме, но по ее щеке сползла одинокая слеза, когда моя собеседница прошептала:

– Иметь любимчиков у нас запрещено. Это делает нас общественно опасными. Но иногда... иногда и у нас на работе случаются плохие дни. Когда я забирала твоего брата, ты так кричал, что я оглянулась и нечаянно посмотрела тебе в глаза. В принципе нам не положено.

– Ты, что ли, знала, – спросил я севшим голосом, – кем я стану, чего достигну, – ты это знала? И поэтому забрала брата, а не меня?

Она покачала головой:

– Все устроено иначе. Мы не знаем будущего, мы просто работаем. Но с тобой я совершила ошибку. Я заглянула тебе в глаза и почувствовала... боль. Чувствовать боль нам не полагается.

– Это я убил брата? – всхлипнул я.

– Нет, – сказала она.

Я рыдал:

– Почему ты тогда его забрала? Почему ты забираешь всех, кого я люблю?

Она осторожно коснулась моих волос. Прошептала:

– Это не мы решаем, кому уходить, а кому оставаться. Потому нам и не положено чувствовать боль.

Когда врач сообщил мне диагноз, я не испытал потрясения, а просто подвел баланс. Всего, что я построил, всех следов, какие по себе оставил. Слабые люди говорят про таких,

как я: «Он богат, но СЧАСТЛИВ ли?» Словно для этого есть надежное мерило. Счастье – это чувство, присущее детям и животным, оно лишено биологического смысла. Счастливые люди ничего не создают, в их мире нет ни живописи, ни музыки, ни небоскребов, ни открытий, ни инноваций. Все вожди, все ваши герои – они все одержимые. А счастливые одержимыми не бывают, они не кладут жизнь на борьбу с болезнями или на то, чтобы поднять в воздух самолет. Счастливцы не оставляют следов. Они живут, чтобы жить, они на земле не более чем потребители. Не то что я.

Но что-то произошло. Я шел по берегу Роо наутро после диагноза и увидел двух собак – они забежали в море и играли с волнами. И я подумал: «Вот ты бывал таким счастливым, как они, – хотя бы раз? Ты вообще на это способен? Ну и зачем тогда всё?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.